

УДК 140.8:[316.3:101]

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.3.094

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В.Ю. Татаров*, Д.Д. Григорьева**

* ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

** ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет»,
г. Тверь

В статье в социально-философском ключе анализируются теоретические модели рынка с момента возникновения основного течения экономической мысли – неоклассического направления. В течение этого периода экономическая мысль западных капиталистических стран претерпела три концептуальных поворота, заложивших фундамент для появления моделей современной рыночной экономики, – маржиналистскую и кейнсианскую революции и неоклассическую контрреволюцию. В последнем концептуальном синтезе, возникшем под влиянием философии неолиберализма, нашли отражение основные черты современной информационно-коммуникационной эпохи. Результатом социально-философского анализа развития экономической мысли стало выделение политэкономических предпосылок наступления эпохи цифрового общества.

Ключевые слова: *цифровое общество, теоретические модели рыночной экономики, неоклассическая контрреволюция, неолиберализм, рыночный экспансионизм, принцип laissez-faire.*

Эпоха современного капитализма характеризуется тотальным проникновением рыночных отношений во все сферы жизни и слиянием мета-процессов маркетизации и медиатизации общества. В этих условиях особую актуальность приобретает социально-философская рефлексия над существующими политэкономическими концепциями с абстрагированием теоретических предпосылок, лежащих в основе происходящих изменений.

С появлением цифровых медиатехнологий процесс медиатизации переходит в глубокую фазу, которая характеризуется возникновением цифрового общества как новой социальной реальности. В экономическом измерении этому переходу соответствует эволюция капитализма «от моделей всеобщего благосостояния к моделям рыночного фундаментализма» [12, р. 120], сопровождаемая изменениями в политэкономическом мировоззрении. Поэтому выявление социально-философских предпосылок возникновения цифрового общества невозможно без ретроспективного анализа трансформации моделей рыночной экономики при переходе ее в стадию позднего капитализма.

Среди современных исследований, в которых на предельно абстрактном уровне ретроспективно рассматриваются экономические модели

© Татаров В.В., Григорьева Д.Д., 2025

и их теоретические предпосылки, следует выделить несколько работ отечественных и зарубежных авторов. Фундаментальными трудами в этой области являются статьи и монографии известного экономиста, члена-корреспондента РАН В.С. Автономова, опубликованные в недавно вышедшем сборнике очерков по истории и методологии экономической науки [1]. В этих работах основное внимание уделяется анализу трансформации моделей человека (*homo oeconomicus*) в истории западной экономической мысли. Не потеряла своей ценности опубликованная еще в конце 1990-х гг. монография И.П. Гуровой, в которой проводится сравнительный анализ всего спектра конкурирующих теоретических экономических систем: либеральных, активистских и тоталитарных [4]. Еще одним фундаментальным трудом является работа выдающегося голландского экономиста М. Блауга, переведенная на русский язык, в которой представлен глубокий анализ развития экономической мысли от А. Смита до современных монетаристов [3]. Исследованию концепций экономической рациональности, которые менялись на протяжении всего периода от классики до современности, посвящена работа греческого историка экономической науки М.С. Зубулакиса [15] – один из важнейших трудов в контексте заявленной темы. Перечисленные работы составили ядро теоретической базы данного исследования.

В истории западной философской мысли, сфокусированной на осмыслении хозяйственной деятельности человека, можно обнаружить два вариативно сменяющих друг друга типа политэкономического мировоззрения – либерально-индивидуалистический и социально-дирижистский [1, с. 162]. К первому типу исследователи относят политэкономические идеи английской классической школы (А. Смит, Ж.-Б. Сэй, Д. Рикардо, Дж.С. Милль и др.) и неоклассического направления (У.С. Джевонс, Л. Вальрас, К. Менгер, А. Маршалл и др.). Второй тип характерен для политэкономии исторической школы (Г. Шмолер, А. Вагнер, В. Зомбарт и др.), идей институционализма (Т. Веблен, Дж. Коммонс, Дж.К. Гэлбрейт и др.) и теории Дж.М. Кейнса. С указанными типами в значительной степени коррелируют два философских принципа – индивидуализм, имманентный теориям классиков и неоклассиков, и коллективизм, который, составляя в некоторых теориях континуум с первым принципом, служит системообразующей предпосылкой для теоретических построений всех остальных школ [4, с. 91–105]. В социальных исследованиях термин «индивидуализм» употребляют в основном в философском, политическом и методологическом значениях. Однако использование этого термина в последнем значении чаще всего обусловлено философскими предпочтениями, идеологическими и политическими мотивами, нежели научной потребностью. Кроме того, использование термина «методологический индивидуализм» сталкивается с определенной смысловой амбивалентностью, поэтому, по словам Дж. Ходжсона, он «не имеет единой общепринятой дефиниции» [9].

В течение столетия начиная с 1870-х гг. политэкономическая мысль Запада претерпела три концептуальных поворота, которые вошли в

историю под именами маржиналистской и кейнсианской революций и неоклассической контрреволюции.

В результате первого поворота сформировалось ядро основного течения буржуазной политэкономии – неоклассическое направление. В изучении феноменов экономической жизни неоклассики сместили исследовательский фокус со сферы производства товаров и услуг на сферу их потребления. Ключ к решению проблемы ценности хозяйственных благ они «искали не со стороны предложения, через издержки, как это делала классическая школа, а со стороны спроса, через отношение человека к вещи, проявляющееся в области личного потребления и обмена» [1, с. 127]. Если для классиков субъективное отношение человека к вещи оставалось «черным ящиком» и не относилось к области политэкономии, то представители мейнстрима сделали его предметом экономического анализа, выдвинув теорию предельной полезности (*marginal utility*). С точки зрения маржиналистов, полезность вещи – это субъективная величина [3, с. 36], изменение которой в зависимости от степени насыщения потребности может быть описано нелинейной функцией. Поэтому для вычисления равновесного и оптимального состояния индивида, т. е. максимально выгодного для него в сравнении с возможными альтернативами, применяется дифференциальное исчисление. Неоклассическая школа исследует экономическую ситуацию с помощью математической модели общего равновесия с использованием предельных величин и рассматривает равновесное состояние рынка как результат оптимизации состояния всех его участников. Максимизация хозяйственным субъектом своей целевой функции – полезности для потребителей и прибыли для производителей – является главной характеристикой неоклассической модели экономического человека [1, с. 45].

Важнейшим следствием маржиналистской революции стало превращение политэкономии (*Political Economy*) в экономическую науку (*Economics*). Термин «экономикс», первоначально изобретенный У.С. Джевонсом, был введен в научный оборот А. Маршаллом, чтобы отделить «чистую и прикладную» науку от теоретического «искусства». Сужение предметной области политэкономии «до сосредоточения внимания на ценности в обмене» позволило отцам мейнстрима «быть более безжалостными в отделении механизмов экономического регулирования от их социально-исторической оболочки» [14, р. 337]. Изначально в недрах новой дисциплины, оснащенной математическим инструментарием, возникла тенденция к перерастанию экономической теории в социальную метатеорию. Усилиями Г. Беккера и ряда других экономистов-теоретиков в середине 1950-х гг. происходит расширение объекта исследования: неоклассическая модель экономического человека становится универсальной, применимой не только к хозяйственному поведению индивидов, но и к любой сфере человеческой деятельности. Согласно этим теоретикам, «каждое человеческое действие сводится к проблеме максимизации полезности, независимо от того, принадлежит ли оно экономической сфере или нет» [15, р. 33]. Во второй половине XX в. начинается

агрессивная экспансия экономика в смежные социальные дисциплины, получившая название «экономического империализма». Описываемый феномен отнюдь не случаен, в его основе, по мнению марксистских философов, лежит тотальная маркетизация общества, постоянно стимулируемая бесконечным самореферентным процессом возрастания капитала [13, р. 37].

Великая депрессия 1929–1933 гг. создала предпосылки для конца доктрины *laissez-faire* – государственного невмешательства в экономику – концепции, которая лежала в основе экономической политики, предлагаемой теоретиками классической и неоклассической школ. Дж.М. Кейнс полагал, что не регулируемая государством экономика не способна автоматически поддерживать полную занятость [3, с. 607], что рынки могут увязнуть в неоптимальном равновесии, вследствие чего непрекращающиеся стагнация, безработица и дефляция будут представлять серьезную угрозу для экономики [6, р. 16]. Согласно закону Вальраса, никакой отдельный рынок не может утратить равновесия, поскольку избыточный спрос на одном рынке компенсируется избыточным предложением на другом. Кейнс решил опровергнуть эту точку зрения и показал, что один из рынков может на длительное время выйти из состояния равновесия, например, на рынке труда может наблюдаться чрезмерная или недостаточная занятость. Когда это происходит, возникает неоптимальное равновесие. Если некоторые агенты исключаются из участия в трудовом рынке, они оказываются не в состоянии реализовать свой оптимальный план и становятся вынужденными безработными. В противоположность классикам, которые утверждали, что предложение товаров и услуг автоматически порождает свой собственный спрос, Кейнс считал, что совокупное предложение является пассивным фактором экономики и определяется совокупным спросом, дефицит которого приводит к вынужденной безработице. Вообще любое изменение спроса в каком-либо секторе экономики влияет на занятость [5, с. 3–33]. Поэтому вывести экономику из состояния стагнации и справиться с безработицей можно только с помощью «видимой руки» государства – денежно-кредитной политики, снижающей процентные ставки и, следовательно, удешевляющей деньги, и, что еще важнее, – фискальной политики, т. е. посредством автономного инвестирования, повышающего совокупный спрос и тем самым стимулирующего частный сектор к расширению производства и капиталовложений [6, р. 16].

В соответствии с теорией Дж.М. Кейнса, поведение индивидуальных агентов в определенной степени детерминировано ограничениями, проистекающими из функционирования макроэкономической системы в целом, поэтому идеальная мера контроля и организации этого процесса, по его мнению, «находится где-то между индивидом и современным государством» [10, р. 313]. Другими словами, для этой теории характерен компромисс между индивидуализмом и коллективизмом, которые составляют континуум – некий средний философский принцип [4, с. 98].

Процессы стагфляции и слампликации, протекавшие в 1970-х гг. в экономике западных стран, стимулировали появление монетаристской или,

шире – неоклассической контрреволюции, в ходе которой произошел возврат от социально-дирижистского типа политэкономического мировоззрения к либерально-индивидуалистическому. Реабилитируя количественную теорию денег, лидер чикагских монетаристов М. Фридман вновь эссенциализировал предложение как фактор экономической политики. Он установил существование последовательной, хотя и не точной, зависимости между изменениями в денежном предложении и изменениями в номинальном доходе, а через последние – в величине производственного выпуска, инфляции и занятости. Монетарные эффекты характеризуются различными временными лагами. В среднем изменение темпов роста денежной массы приводит к изменению темпов роста номинального дохода спустя шесть-девять месяцев. Сначала оно воздействует на выпуск, а потом влияет на цены. Следовательно, согласно Фридману, *«инфляция всегда и везде является монетарным явлением... и может возникнуть лишь в результате быстрого увеличения количества денег, опережающего темпы производственного выпуска»* [10, р. 17–18]. Поэтому политика стимулирования спроса должна уступить место денежно-кредитной политике, обеспечивающей контроль количества денег в обращении: их выпуск должен соответствовать правилу роста денежной массы. Фридман настаивал на закреплении в конституции принципов монетаристской стратегии, чтобы оградить ее от политического вмешательства [5, с. 108].

Наиболее решительно против политики стимулирования спроса в 1970-х–1980-х гг. выступили представители новой классической школы, которые стали авторами современных экономических концепций. На смену теории адаптивных ожиданий М. Фридмана пришла теория рациональных ожиданий Р. Лукаса, согласно которой хозяйственные агенты принимают решения не на основе опыта экономической деятельности, а исходя из оптимального прогноза относительно будущего состояния экономики [7]. По мнению Лукаса, меры государственной политики неэффективны даже в краткосрочной перспективе, поскольку они предвидятся агентами рынка и учитываются в их решениях. В представлении новых классиков экономические феномены агрегированного (совокупного) уровня выводятся из феноменов микроуровня, т. е. структура макроэкономических моделей имеет микроэкономические основы – «состоит из оптимальных правил принятия решений экономическими агентами» [11, р. 41]. Представители второго поколения новых классиков Ф. Кидланд и Э. Прескотт объясняли причину бизнес-флуктуаций не монетарными, а технологическими шоками. Так же, как и Лукас, они имели убеждение в самодостаточности рынков, т. е. принимали «онтологию, полностью противоположную онтологии Кейнса» [1, с. 443].

Неоклассическую контрреволюцию в экономической науке часто связывают с «неолиберальным поворотом» политической и экономической мысли. В философском смысле неолиберализм представляет собой дискурс, проблематика которого фокусируется на неэкономических предпосылках функционирования рынков и эффектах взаимодействия между рынками и

их социальным и политическим окружением [6, р. 26–27]. Взгляды монетаристов и новых классиков испытали на себе влияние идей неолиберального философа Ф.А. Хайека – лидера неоавстрийской экономической школы, преподававшего в 1950-х – начале 1960-х гг. в Чикагском университете. Он был последовательным защитником «индивидуалистической цивилизации» и эффективной конкуренции от коллективистских угроз со стороны социалистов левого и правого толков. Хотя Хайек был противником кейнсианского макроэкономического регулирования и сторонником спонтанного рыночного порядка, он подверг критике принцип *laissez-faire*, чтобы сделать его применение гибким. Он рассматривал конкуренцию как единственный метод координации действий хозяйственных субъектов, свободный от принуждения и политического вмешательства. Вместе с тем он считал, что эффективное использование этого метода «исключает одни виды принудительного вмешательства в экономическую жизнь, но допускает другие, которые иногда могут весьма существенно способствовать его работе и даже требуют определенных действий со стороны правительства» [8, р. 38].

Несмотря на то, что с момента начала маржиналистской революции прошло уже более полутора столетий, ортодоксальный неоклассический подход демонстрирует уникальную живучесть, оставаясь ядром мейнстрима экономической мысли и колонизируя гетеродоксальные экономические концепции. Эту колонизацию В.С. Автономов именует «неоклассическим обволакиванием», в процессе которого традиционная теория применяет к компонентам альтернативных подходов свой оптимизационный инструментарий, синтезируя их с собственной парадигмой и переводя их на свой язык максимизации и равновесия [1, с. 16]. Так, в новом неоклассическом синтезе, который начал формироваться в 1990-х гг., произошел возврат к моделям первого неоклассического синтеза, соединяющим предпосылки общего равновесия и кейнсианства. Кроме того, в новый синтез вошли и абстрактные микроэкономические основания макроэкономической теории, разработанные новыми классиками [1, с. 445]. Именно в концепциях этого синтеза проявляются основные черты эпохи последней информационной революции [2], создавшей условия и технологическую среду для возникновения цифрового общества.

Проведенный ретроспективный анализ экономических концепций позволяет абстрагировать следующие политэкономические принципы, которые можно рассматривать как социально-философские предпосылки наступления эпохи цифрового общества: рыночный экспансионизм; индивидуализм; хозяйственный субъективизм (отношение индивида к вещи); оптимизация поведения хозяйственных субъектов; модернизированный вариант принципа *laissez-faire* (политическое «невмешательство», целью которого является обеспечение эффективной конкуренции).

Список литературы

1. Автономов В.С. В поисках человека: очерки по истории и методологии экономической науки / под ред. Е.А. Рязанцевой. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020. 680 с.
2. Антипина О.Н. «Новая макроэкономика» информационной эпохи // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2007. № 3. С. 3–18.
3. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. 720 с.
4. Гурова И.П. Конкурирующие экономические теории. Ульяновск: УлГУ, 1998. 180 с.
5. Де Фрей М. История макроэкономики: от Кейнса к Лукасу и до современности / пер. с англ. А.В. Белых; под научн. ред. А.А. Белых. М.: Дело, 2019. 576 с.
6. Biebricher T. The Political Theory of Neoliberalism. Stanford, California: Stanford University Press, 2018. 226 p.
7. Friedman M. The Counter-Revolution in Monetary Theory // Explorations in Economic Liberalism: The Wincott Lectures / ed. by G. Wood. L.: Palgrave Macmillan, 1996. P. 3–21.
8. Hayek F.A. The Road to Serfdom. L.; N.Y.: Routledge, 2001. 256 p.
9. Hodgson G. Meanings of Methodological Individualism // Journal of Economic Methodology. 2007. Vol. 14. No. 2. P. 211–226.
10. Keynes J.M. The End of Laissez-Faire // Essays in Persuasion. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 1963. P. 312–322.
11. Lucas R. Econometric Policy Evaluation: A Critique // Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy. 1976. Vol. 1. No. 1. P. 19–46.
12. Murdock G. Mediatization and the Transformation of Capitalism: The Elephant in the Room // Javnost – The Public. 2017. Vol. 24. No. 2. P. 119–135.
13. Steinhoff J. Automation and Autonomy: Labour, Capital and Machines in the Artificial Intelligence Industry (Marx, Engels, and Marxisms). L.: Palgrave Macmillan, 2021. 266 p.
14. Winch D. Marginalism and the Boundaries of Economic Science // History of Political Economy. 1972. Vol. 4. No. 2. P. 325–343.
15. Zouboulakis M.S. The Varieties of Economic Rationality: From Adam Smith to Contemporary Behavioural and Evolutionary Economics. L.; N.Y.: Routledge, 2014. 192 p.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THEORETICAL MODELS OF CAPITALIST ECONOMY

V.Y. Tatarov*, D.D. Grigorieva**

* Tver State Technical University, Tver

** Tver State Medical University, Tver

In a socio-philosophical key, theoretical market models are analyzed since the emergence of the mainstream of economic thought – the neoclassical direction. During this period, the economic thought of Western capitalist countries underwent three conceptual turns that laid the foundation of the emergence of modern market economy models. These conceptual shifts include the marginalist and

Keynesian revolutions, and the neoclassical counterrevolution. The last conceptual synthesis, which emerged under the influence of neoliberalism philosophy, reflected the main features of the modern information and communication age. The result of the socio-philosophical analysis of the development of economic thought was the identification of the political-economic premises of the onset of the age of digital society.

Keywords: *digital society, theoretical models of market economy, neoclassical counterrevolution, neoliberalism, market expansionism, laissez-faire principle.*

Об авторах:

ТАТАРОВ Владимир Юрьевич – аспирант кафедры психологии, истории и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail – tatarovvyu@mail.ru. SPIN-код: 9218-4697

ГРИГОРЬЕВА Дарья Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества, ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail – danya72@mail.ru. SPIN-код: 5811-2538

Authors information:

TATAROV Vladimir Yuryevich – PhD Student, Dept of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: tatarovvyu@mail.ru. SPIN-код: 9218-4697

GRIGORIEVA Daria Dmitrievna – PhD, Ass. Prof. of the Dept of Philosophy and Psychology with courses in Bioethics and History of the Fatherland, Tver State Medical University, Tver. E-mail: danya72@mail.ru. SPIN-код: 5811-2538

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 22.07.2025.